

**ОЛЬГА
РИВИ**

**ВАДИМ
ФАРГ**

**ТАК СЕБЕ
ИТОГИ ГОДА**

Вадим Фарг
Ольга Риви
Так себе итоги года

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73988142
Так себе итоги года / Ольга Риви, Вадим Фарг: Риви; 2026

Аннотация

Никогда, слышите, никогда не загадывайте желаний, если не уверены, что у Вселенной хорошее настроение. Елене Фирсовой сорок пять, она капитан полиции и просто хотела, чтобы «всё сложилось наилучшим образом». Вселенная услышала и приняла вызов: работа пошла прахом, а муж был пойман на месте преступления (на кухне с лучшей подругой и тортом).

Теперь у Лены нет ни карьеры, ни брака, зато есть полная свобода, разбитое сердце и билет в один конец... точнее, место на пассажирском сиденье внедорожника. Пункт назначения – родина Деда Мороза, попутчик – суровый брат подруги с военным прошлым, а впереди – тысячи километров заснеженной трассы.

Сможет ли железная леди пережить новогоднее путешествие, погоню от бывшего и, что самое страшное, собственное счастье? Осторожно: мечты сбываются. Иногда – буквально.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ольга Риви, Вадим Фарг

Так себе итоги года

© Вадим Фарг, 2026

© Ольга Риви, 2026

Пролог

– Лена, смени выражение лица на менее официальное, – бросил муж тоном, которым обычно отчитывал нерадивых подрядчиков. – Сегодня твой юбилей, но в ресторане будут нужные люди. И, кстати, помнишь ту проверку по моим партнёрам? Улыбайся их юристу шире. Нам нужно, чтобы твои коллеги в отделе спустили это дело на тормозах. Ты же у меня умница, подполковник. Ты всё уладишь. – с фальшивой улыбкой произнёс Глеб. – И да, я подвезу тебя к ресторану и отлучусь на какое-то время. Ты даже не заметишь моего отсутствия.

Он подошел, дежурно чмокнул воздух в сантиметре от моей щеки, чтобы не испортить макияж, и одобрительно хлопнул по плечу. Как надежного, породистого скакуна перед важным забегом.

– Мы же команда, малыш. Ты прикрываешь, я зарабатываю.

Он ушёл в гостиную за ключами от машины, а я осталась стоять, глядя на своё отражение.

Двадцать лет. Двадцать лет я отдала браку и службе закону, чтобы в итоге незаметно для самой себя стать бесплатной «крышей» для махинаций собственного мужа. Двадцать лет строила семью, чтобы оказаться просто удобной функцией, «решалой» в юбке и красивым ширмой для его грязных игр.

В дорогом клатче завибрировал телефон. Наверняка подруги уже ждут в ресторане, чтобы кричать лицемерные тосты за моё «идеальное женское счастье».

Я медленно опустила взгляд на свои руки с безупречным маникюром. Пальцы чуть дрожали. Внутри, под тугим шелком платья, с оглушительным скрежетом рушилась невидимая стена. Воздуха вдруг стало катастрофически мало.

Если я сегодня вечером снова надену эту маску, если снова улыбнусь нужным людям и молча проглочу его снисходительное «малыш»... я больше никогда не смогу дышать.

Я потянулась к замку сумочки. Там, на самом дне, рядом с пудреницей, лежало моё служебное удостоверение. Красная корочка, которая определяла всю мою жизнь.

Именно в этот момент, глядя в холодные, чужие глаза своего отражения, я поняла, что сегодня вечером одна из моих жизней должна умереть. Вопрос был лишь в том, кого я похороню первой, покорную жену Глеба Фирсова или саму себя.

Я защёлкнула сумочку и шагнула к выходу. Часовой механизм был уже запущен...

Глава 1

Сорок пять лет. Звучит, конечно, солидно. Как судебный приговор. Или как размер обуви у снежного человека. Я смотрела на огромный торт, который возвышался посреди стола, и думала, что он больше похож на помпезный мавзолей моей уходящей молодости, чем на праздничный десерт.

Торт был просто неадекватных размеров. Глеб, мой муж, явно дал кондитеру четкую установку: «Сделайте так, чтобы все обзавидовались и лопнули от злости». В итоге на столе стояла трехъярусная башня из взбитых сливок, шоколадных вензелей и каких-то перламутровых сахарных бусин размером с подшиппик. Я прикинула, если кто-то сломает об эту бусину зуб, можно ли это квалифицировать как причинение легкого вреда здоровью? А сверху гордо пылали свечи. Сорок пять штук. От этого костра исходил такой жар, что у меня начала плавиться дорогушая тушь на ресницах, а в ресторане, кажется, вот-вот должна была сработать пожарная сигнализация. Спасало только то, что Глеб наверняка заранее приплатил менеджеру за возможный ущерб.

– Леночка, ну чего ты застыла, как памятник? – зазвенел голос Кати. Он у нее был такой неестественно тонкий, будто она только что вдохнула гелий из воздушного шарика. – Загадывай желание скорее! Свечи же потекут! Это же лучший итальянский маскарпоне, Глеб Сергеевич специально из Ми-

лана доставку заказывал!

Катя сидела напротив и сияла, как начищенный медный таз. Улыбка у Кати была натянута так сильно, что казалось, моргни она чуть резче и лопнет кожа за ушами. Катюша была женой партнера моего мужа. Идеальная спутница бизнесмена. Ухоженная, всегда восторженная и абсолютно, непробиваемо глупенькая. Иногда я, как следователь с многолетним стажем, смотрела на нее и думала, если вскрыть ей черепную коробку, там обнаружатся только розовые пони, бегущие по радуге, и платиновая скидочная карта в ЦУМ.

– Дай человеку собраться с мыслями, Катя, – осадил ее Лера, моя лучшая подруга, невозмутимо подливая мне в бокал ледяное шампанское. – Это тебе не список покупок на распродажу составить. Тут стратегия нужна. Сорок пять баба ягодка опять, и всё такое. Надо загадать так, чтобы наверняка выгорело.

Лера была моей единственной радостью на этом параде лицемерия. Мы дружили еще со школы, и она знала обо мне абсолютно всё. Знала, что я терпеть не могу платья в обтяжку, что у меня жутко болят и отекают ноги в этих чертовых туфлях на двенадцатисантиметровой шпильке, и что свою работу в органах я в последнее время тихо, но горячо ненавижу. Лера смотрела на меня с легкой иронией, и в ее глазах читался один и тот же вопрос, который я сама задавала себе каждое утро перед зеркалом: «Ленка, ну какого черта ты всё это терпишь?»

Я тяжело вздохнула. От приторного парфюма Кати и горячего воска кружилась голова, плохом смысле. Этот запах воска предательски напоминал мне не о празднике, а о месте преступления в старой хрущевке, где за неуплату отключили свет, и криминалистам пришлось работать со свечками. Профессиональная деформация, никуда от нее не денешься.

– Ну же, Ленусик! – Катя хлопнула в ладоши, звеня тяжелыми золотыми браслетами. – Загадай что-нибудь грандиозное! Шубу новую? Из шиншиллы! Или поездку на Мальдивы на целый месяц? Глеб же тебе ни в чем не отказывает, он у тебя просто золотой мужик! Святой человек!

«Ага, святой», – мрачно усмехнулась я про себя. Святой с криминальным душком из лихих девяностых. Золотой мужик, который золотом откупается от собственных грехов и вечного отсутствия дома. У меня этих шуб уже три штуки висит в гардеробной. Моль, которая там живет, питается лучше, чем половина пенсионеров в нашем спальном районе. А Мальдивы? Что мне там делать? Лежать на белом песке, как выброшенный на берег тюлень, и смотреть, как Глеб прячется с телефоном в туалете, чтобы написать очередной «коллеге по бизнесу»?

Я не хотела ни шубу, ни Мальдивы. Я хотела только одного, чтобы меня все оставили в покое. Я хотела снять эти туфли-орудия инквизиции, надеть старые вытянутые треники, смыть макияж и съесть огромную сковородку жареной картошки. С луком и салом. И чтобы никто не звонил.

Сегодня утром я снова получила по шапке от начальника управления. Очередное мутное дело, в котором засветились партнеры Глеба, пришлось срочно «спускать на тормозах» по звонку сверху. Я, Елена Фирсова, подполковник полиции! Человек, который пришел в профессию, чтобы ловить негодяев и сажать бандитов. А теперь я кто? Личный «решала» для собственного мужа. Чищу его косяки, отмываю его дружков от налоговой и сижу вот тут, улыбаюсь, делаю вид, что у нас идеальная, любящая семья.

– Лена, мы сейчас реально сгорим, потолок уже черный! – громким шепотом сообщила Лера, толкнув меня локтем в бок. – Давай уже, дуй.

Я закрыла глаза. Перед глазами плясали яркие оранжевые пятна от свечей. Темнота под веками казалась спасением.

Что загадать? «Хочу развестись» – звучит как-то слишком муторно. Это же раздел имущества, скандалы, суды, адвокаты. Глеб просто так ничего не отдаст, он за копейку удавится. «Хочу быть счастливой» – банально, как статус в соцсети у пятнадцатилетней девочки. Я так устала тащить на себе весь этот фасад. Устала быть «удобной женой уважаемого человека» и «подполковником, который всё уладит без шума».

И тут меня накрыло. Внутри лопнула какая-то невидимая струна. Я подумала, да гори оно всё синим пламенем!

«Эй, Вселенная, Дед Мороз, или кто там у вас сегодня на дежурстве принимает заявки! – мысленно рывкнула я в пустоту. – Короче так. Я не знаю, как всё это распутать. Я за-

долбалась. Поэтому просто сделай так, чтобы всё сложилось наилучшим образом! Слышишь? Наилучшим образом для меня. А как именно ты это провернешь, это твои проблемы. Фантазия у тебя богаче, вот и работай!»

Я резко открыла глаза, набрала в легкие побольше воздуха и дунула на торт со всей дури. Так, как дуют в алкотестер пьяные водители на трассе.

Свечи затрепетали и погасли разом. Вверх поднялось густое облачко сизого дыма.

– Ура-а-а! – пронзительно завизжала Катя, хватая свой бокал. – Сбудется! Вот сто процентов сбудется! Я видела, как ты старалась, Ленусик!

Лера посмотрела на меня с явным подозрением, чуть прищурив левый глаз.

– Лен, ты сейчас так вздохнула, будто гранату без чеки в окно кинула, – тихо заметила она, пока Катя поправляла прическу, любуясь собой в камеру телефона.

– Скорее, вызвала группу захвата по своему же адресу, – хмыкнула я. Взяла бокал с шампанским. Оно было ледяным, колючим и кислым на вкус.

– Ну, за сбычу мечт! – громко провозгласила Катя и чокнулась с моим бокалом так, что он чудом не треснул. – Ленка, ты такая счастливая женщина! Дом полная чаша, муж красавец и богач, работа престижная! Ты же подполковник, тебя все боятся и уважают! Мне бы так жить!

Я сделала большой глоток. Пузырьки неприятно ударили

в нос, вызвав желание чихнуть.

– Да, Катюша, – сказала я, натягивая на лицо свою фирменную вежливую улыбку, которую обычно использовала при общении с потерпевшими, страдающими паранойей. – Просто сказка. Райский сад, а не жизнь. Грех жаловаться.

В сумочке мелко завибрировал телефон. Я даже не дернулась. Ясно же, кто это. Мой «святой» муж Глеб. Наверняка прислал очередную сказочку про то, как он трудится в поте лица на благо нашей семьи. Я, как следователь, могла бы уже написать докторскую диссертацию по его примитивным отмазкам.

Я неторопливо достала смартфон. Так и есть. Сообщение от мужа: «Ленусик, тут накладка вышла. Проверка на складе нагрянула внезапно. Буду поздно, не жди. С днем рождения, малыш! Люблю, куплю тебе что захочешь».

«Малыш». Меня аж передернуло от отвращения. Подполковник полиции, сорок пять лет, в сейфе лежит табельный пистолет Макарова, двенадцать грамот от министра, а для этого придурка я всё еще «малыш», которому можно заткнуть рот новой побрякушкой. Какая, к черту, проверка на складе в девять вечера в пятницу? Я живо представила себе эту «проверку»: ноги от ушей, губы уточкой, третий размер груди и полное отсутствие интеллекта в глазах.

– Ой, кто там? Глеб Сергеевич пишет? Поздравляет? – Катя вытянула шею, как любопытная гусыня, пытаюсь заглянуть в мой экран.

– Ага, – я небрежно бросила телефон обратно в сумку, словно прятала грязную улику. – Передает всем пламенный привет. Говорит, работает, бизнес спасает. Желает нам хорошо повеселиться без него.

– Боже, какой он трудоголик! Всё в дом, всё для тебя! – с придыханием выдала Катя, приложив руки к груди.

Лера закатила глаза с такой силой, что я всерьез испугалась, как бы у нее не случилось отслоение сетчатки.

– Девочки, давайте выпьем, – Лера решительно перебила Катин поток восторгов, поднимая бокал. – Выпьем не за жену миллионера, не за подполковника Фирсову, а просто за нашу Ленку. За то, чтобы у нее всегда хватало духу послать всё это шапито к чертовой матери, когда окончательно надоест!

– Ой, Лера, ну что за тосты такие странные! – обиженно надула губы Катя. – Зачем посылать? Всё же идеально! У нее муж золото!

– Золото иногда бывает самоварным, Катюш. И зеленеет от времени, – мрачно заметила Лера и заговорщицки подмигнула мне.

Мы выпили. Я смотрела на дымящиеся огарки свечей на изуродованном торте. Внутри было на удивление спокойно и пусто. Я загадала желание. Заявление в небесную канцелярию подано. И почему-то мне казалось, что там его приняли. И даже поставили красную печать: «К исполнению немедленно. С особым цинизмом».

К нашему столику подошел официант. Молодой парнишка, по виду бедный студент на подработке. Он достал огромный нож и нерешительно примерился к тарту.

– Мне самый большой кусок! – тут же скомандовала Катя, оживившись. – Я сегодня диету отменяю! У лучшей подруги юбилей, имею полное право! И чтобы с шоколадной розочкой обязательно!

– А мне тот край, где крема поменьше, пожалуйста, – вежливо попросила Лера.

Официант перевел взгляд на меня. У него был слегка испуганный вид. Наверное, почувствовал мою тяжелую ауру подполковника.

– А мне, – сказала я, с каким-то мстительным удовольствием наблюдая, как нож разрезает эту пафосную кремовую башню на куски, – мне просто черный кофе. Без сахара и без молока. Торт я не буду.

В тот момент я еще не подозревала, что механизм моего желания уже запустился на полную мощность. Ржавые шестеренки судьбы со скрипом повернулись. Моя «правильная», сытая, обеспеченная, но абсолютно фальшивая жизнь начала трещать по швам прямо сейчас.

Если бы я знала, как именно Вселенная расшифрует мое небрежное «наилучшим образом», я бы, клянусь, схватила висевший в коридоре огнетушитель, залила бы этот торт пеной с ног до головы и спряталась под стол. Но я не знала. Я просто сидела в дорогом ресторане, слушала, как Катя

щебечет про своего личного астролога и уколы красоты, пила кислый брют и думала о том, что сорок пять лет – это действительно просто цифра в паспорте.

А настоящая жизнь, судя по всему, только-только готовила мне свой главный сюрприз. И явно не из тех, что продаются в красивых подарочных пакетах с розовым бантиком.

– Лен, ты чего зависла? – Лера тепло потрогала меня за руку. – Всё нормально? Не грусти из-за Глеба, козел он и есть козел.

– Да всё нормально, Лер, – я искренне улыбнулась, почувствовав благодарность к подруге. – Просто подумала, что следующий день рождения я буду отмечать совсем по-другому.

– Это как? – чавкая бисквитом, поинтересовалась Катя.

– Без тортов. И без ресторанов, – твердо ответила я. – Поеду куда-нибудь в тайгу. К медведям. Они, по крайней мере, не врут про внезапные проверки на складе.

Катя звонко рассмеялась, решив, что я так классно и тонко пошутила. А Лера только хмыкнула, пряча улыбку в бокале. Она-то прекрасно знала, что в моих шутках всегда прячется сухая оперативная сводка.

Глава 2

Утро после моего сорок пятого дня рождения выдалось на редкость паршивым. И дело было даже не в шампанском, я вчера выпила всего пару бокалов. Просто с утра пришло очень четкое понимание, что сказка кончилась. Карета окончательно превратилась в тыкву, а я из принцессы превратилась в обычную ломовую лошадь. Только в полицейских погонах.

В моем случае этой «тыквой» был старый кабинет отдела экономической безопасности. Я сидела за своим обшарпанным столом и тупо пялилась в монитор. Курсор на белом фоне мигал так часто и нервно, будто лично обвинял меня в куче неразобранных дел. Мой внутренний следователь машинально отметил, что на клавиатуре крошки, значит, Витька опять ел свои печенья на моем рабочем месте.

Дверь со скрипом приоткрылась, и в щель просунулась голова Людочки, секретарши нашего начальника.

– Фирсова! – рявкнула она так, что у меня зазвенело в ушах. – Давай пулей к полковнику! Ждет и нервничает!

Я тяжело вздохнула. В животе сразу неприятно екнуло. Полковник Рябов просто так с утра пораньше к себе не зовет. По опыту я знала, тут два варианта. Либо нам нужно срочно кого-то посадить для красивой статистики в отчете, либо, наоборот, кого-то очень хорошего и богатого нужно срочно

отпустить. Второй вариант в последнее время случался куда чаще.

Я нехотя встала, одернула форменный китель. Пуговица на груди предательски натянулась. Вчерашний торт от мужа всё-таки дал о себе знать лишними сантиметрами. Ладно, пошли сдаваться начальству.

В кабинете Петра Семеновича Рябова стоял стойкий аромат валокордина. Сам полковник, грузный, потный мужик с красным лицом, напоминал старый перекачанный мяч, который вот-вот лопнет. Он суетливо и нервно перекладывал на столе какие-то совершенно неважные бумажки. Он даже не поднял на меня глаза, когда я вошла. Мой профессиональный взгляд тут же просканировал шефа: пальцы дрожат, зрительного контакта избегает, плечи напряжены. Значит, дело дрянь. Шеф боится.

– Вызывали, товарищ полковник? – бодро и громко спросила я, чтобы разрядить обстановку.

– Садись, Лена. Садись, – он тяжело выдохнул и указал пухлой ручкой на стул для посетителей. Старое кожаное кресло под его весом жалобно скрипнуло. – Как днюху отметила? Голова не трещит с похмелья?

– Голова – это кость, Петр Семенович, чему там трещать, – я улыбнулась своей дежурной шуткой, присаживаясь на краешек стула. – Давайте сразу к делу перейдем. У меня сегодня по графику выемка документов у фирмы «СтройМашГрупп». Ребята из оперов уже копытами бьют, ждут от-

машки.

При упоминании «СтройМашГрупп» лицо полковника перекосило так сильно, будто он целиком проглотил нечищенный лимон. Он откинулся на спинку кресла и начал нервно тереть переносицу.

– Вот про это дело я и хотел... это самое... с тобой поговорить, Леночка. Понимаешь... Тут такое неприятное дело вышло. Звонили мне сверху.

– С какого такого верху? – не поняла я. – С самого Олимпа боги звонили? Или просто из администрации города беспокоили?

– Не паясничай, Фирсова! – вдруг визгливо крикнул Рябов, но тут же испуганно сбавил тон. – Очень серьезные люди звонили, Лена. Очень просили... скажем так, не нагнетать обстановку вокруг этой компании. Присмотреться к ним повнимательнее, добрым взглядом. Может, там и нет никакого преступления? Может, у них просто неопытная девочка-бухгалтер ошиблась? Нолик не там в документах поставила? Ну, техническая накладка!

Я почувствовала, как внутри у меня начинает закипать холодная полицейская злость. Какая, к черту, техническая накладка? Эта шарашкина контора отмывала деньги так нагло и открыто, что это было понятно даже студенту-первокурснику. Там были сплошные фиктивные контракты, фирмы-однодневки, оформленные на бомжей, и наглый обнал. Я собирала эту доказательную базу по крупнякам целых три

месяца! Ночами не спала!

– Петр Семенович, вы сейчас шутите? – мой голос стал жестким, как металл. – Там доказанных хищений государственного бюджета на пятьдесят миллионов рублей! Какая девочка-бухгалтер? Там состав преступления по сто пятьдесят девятой статье написан крупными буквами на лбу у каждого учредителя! Их сажать надо, а не присматриваться!

Рябов перестал тереть лицо и наконец-то посмотрел мне прямо в глаза. В его маленьких, заплывших глазках плескалась тоска и какая-то жалкая мольба.

– Лена, ну не будь ты дурой, а? Ну что ты как маленькая девочка, честное слово? Ты же подполковник, умная, взрослая баба! Учредители там – люди очень непростые. Это деловые партнеры твоего Глеба Сергеевича, между прочим!

Вот оно что. Эти слова ударили меня как обухом по голове.

Я замерла на стуле, перестав дышать. Меня словно ледяной водой из ведра окатили.

– Моего... Глеба? – переспросила я тихо, почти шепотом.

– Ну да! – Рябов радостно закивал, решив, что я всё поняла и мы сейчас договоримся. – Глеб Сергеевич твой сам мне полчаса назад на личный номер звонил! Сказал, что ты, Леночка, видимо, просто не в курсе была, кто там в этой фирме в доле состоит. Очень просил по-семейному во всем разобраться. Чтобы без лишнего шума и пыли. Ну сама логически подумай, зачем тебе родному мужу бизнес портить? Ты

же сама с этого бизнеса сладко кормишься!

Меня словно ударили под дых. «Сама же с этого кормишься».

В ушах появился тонкий, противный звон. Перед глазами вдруг очень ярко замелькали картинки из моей «счастливой» жизни.

Всё это время я, наивная идиотка, думала, что мы живем параллельными жизнями. Что я честный и неподкупный мент, а он просто успешный бизнесмен. Да, я знала, что он хитрый, что у него куча связей, но мы же договорились, что я не лезу в его дела, а он не лезет в мои. Но иногда «отмазываю» его мелкие правонарушения, и его друзей, до кучи.

А оказалось, что я вообще никакой не мент, а просто «крыша» и обслуживающий персонал. Утром я варю ему вкусный кофе и глажу рубашки, а днем на работе закрываю глаза на наглые преступления его вороватых дружков.

– Значит, Глеб просил, – очень медленно произнесла я, пробуя эти слова на вкус. Вкус был отвратительный, как у прокисшего молока.

– Просил, Леночка, очень просил! – засуетился Рябов. Он радостно потянулся к графину с водой, решив, что конфликт исчерпан. – Сказал, вы сегодня вечером дома за ужином всё спокойно обсудите. Так что давай, дорогая, папочку эту с делом пока в дальний сейф убери. Пусть она там полежит, пылью покроется. А там, глядишь, и срок давности по делу выйдет, или бумажки потеряются случайно... Бывает же такое!

Он облегченно рассмеялся своей шутке. Вода из графина булькнула в стакан.

А я просто встала. В голове вдруг стало удивительно пусто, легко и звонко. Никаких лишних эмоций. Ни гнева, ни слез, ни женской истерики. Было только одно очень четкое, приземленное ощущение: я стою по колено в вонючей деревянной луже. И у меня есть только одно желание, срочно выйти на сухое место и помыть ноги с мылом.

– Петр Семенович, дайте мне лист бумаги, – спокойно попросила я, прервав его смех.

– Зачем тебе? – искренне удивился полковник, не донеся стакан с водой до рта. – Показания на кого-то писать будешь?

– Нет. Рапорт.

– Какой еще рапорт, Лена? О чем?

– Об увольнении по собственному желанию.

Стакан с водой громко и неуклюже брякнулся о столешницу.

– Фирсова, ты совсем дура?! – завопил он, мгновенно забыв про вежливость и субординацию. – Какое к черту увольнение?! У тебя выслуга лет огромная! У тебя отличные перспективы в отделе! Да я тебя на полковника к Новому году подавать хотел!

– Спасибо большое, Петр Семенович. Обойдусь, – я сама вытащила чистый белый лист из лотка его принтера и взяла со стола ручку. Рука у меня совершенно не дрожала. – Полковника в кармане у мужа носить очень неудобно. Места ма-

ловато.

Я склонилась над столом и начала писать.

«Прошу уволить меня из органов внутренних дел по собственному желанию...»

Боже мой, как же легко мне было это писать! Гораздо легче, чем любые протоколы допросов и скучные отчеты. С каждой написанной буквой с моих плеч словно падал тяжелый кирпич.

– Лена, быстро остынь! Прекрати истерику! – Рябов вскочил со скрипучего кресла и забегал вокруг стола. – Это что еще за глупый бунт? Из-за какого-то паршивого дела? Да все нормальные люди так живут! Ты что, думаешь, ты тут одна такая святая нашлась? Да твой Глеб тебя дома просто убьет! Он же столько бабок в твою карьеру вложил!

Я спокойно дописала сегодняшнюю дату и поставила свою фирменную, размашистую подпись. Положила лист прямо на мокрое пятно от разлитой воды.

– Передайте Глебу Сергеевичу, что я очень плохая инвестиция. Рисковая.

Я развернулась на каблуках и пошла к двери.

– Фирсова! А ну вернись немедленно! Я эту писульку не подпишу! – истерично орал мне вслед шеф. – Две недели отработки по закону! Я тебе устрою такие две недели, ты у меня в подвале старые архивы от крыс чистить будешь! Сгною!

Я вышла в коридор и очень аккуратно, чтобы не хлопать, прикрыла за собой тяжелую дверь. Крики начальника сразу

стали глухими и неразборчивыми.

В нашем коридоре было тихо. Под потолком противно мигала лампа дневного света. Навстречу мне радостно топал Витька Соколов, мой вечный сосед по кабинету и напарник по пятничным посиделкам. В руках он осторожно нес два пластиковых стаканчика с кофе из автомата.

– О, Ленка! Привет! А я тебе как раз кофеек взял. С сахаром, двойным, как ты любишь, чтобы жизнь хоть немного подсластить! – заулыбался он. – Ну что, получил люлей от шефа? Чего он там орал как недорезанный поросенок? Аж на первом этаже слышно.

Витя был хорошим, простым парнем. Звезд с неба он никогда не хватал, иногда брал мелкие взятки коньяком и конфетами, чтобы платить свою бесконечную ипотеку за квартиру в спальном районе, но в разведку я бы с ним пошла не задумываясь.

– Нет, Витя. Не получила я люлей, – я остановилась и посмотрела на подозрительную бурую жижу в его стаканчике. – Я уволилась.

Витя так и застыл посреди коридора с открытым ртом. Один стаканчик в его руке опасно наклонился, и горячий кофе капнул прямо на линолеум.

– В смысле? Ты чего, прикалываешься надо мной? Первое апреля вроде еще не скоро.

– В прямом, Витя. Всё, баста. Мои веселые деньки в полиции кончились. Свободна как птица в полете.

Я прошла мимо остолбеневшего напарника в наш кабинет и взяла со стула свою сумочку. Оглядела рабочее место. Что бы забрать с собой на память об этих годах? Может, чахлый кактус в пластиковом горшке, который я упорно пыталась вырастить три года, а он всё отказывался цвести? Или дурацкую подарочную кружку с надписью «Самый лучший подполковник»? А может, толстую зеленую папку с делом на «СтройМашГрупп»?

Я махнула рукой. Нет, ничего мне не нужно. Пусть весь этот хлам остается здесь. Это просто дешевые декорации к глупому спектаклю, в котором я больше не хочу играть главную роль.

– Лен, да постой ты! – Витя с грохотом поставил стаканчики на металлический сейф и забежал за мной следом. – Ты это сейчас серьезно, что ли? Из-за старого маразматика Рябова так психанула? Да плюнь ты на него с высокой колокольни! Перебесится старик. Куда ты сейчас пойдешь работать? Тебе же сорок пять лет! В охранники в супермаркет пойдешь кроссворды гадать? У нас же тут пенсия скоро, льготы бесплатные, премии к празднику... Ты хоть головой-то подумай!

Он смотрел на меня с таким искренним, детским непониманием. Для Вити полицейская система была естественной средой обитания. Как мутная вода для рыбы. Он совершенно не понимал, как рыба может добровольно взять и выброситься на сухой берег.

– Витюша, – я мягко положила руку ему на плечо. Форменный погон под моей ладонью был жестким и колючим, рубашка пахла дешевым табаком. – Я понятия не имею, куда я сейчас пойду. Честное слово. Может, буду дома шерстяные носки вязать на продажу. Может, в кругосветное путешествие автостопом поеду. Но здесь я больше сидеть не могу физически. Задохнулась я тут, понимаешь? Жабры слиплись от этой вашей стабильности.

– А муж-то твой... Глеб... он знает? – совсем тихо и испуганно спросил Витя.

Я весело хмыкнула.

– А Глеб узнает об этом в самую последнюю очередь. Сюрприз ему будет. В лучших традициях семейной жизни.

Я расстегнула сумочку и достала свое служебное удостоверение. Красная солидная корочка. Вещь, которая столько лет открывала передо мной любые закрытые двери в этом городе. А сейчас она казалась просто бесполезным куском картона и пластика. Я небрежно кинула её на свой рабочий стол, прямо рядом с пыльной клавиатурой.

– Занесешь в отдел кадров за меня? Чтобы мне лишний раз по этажам не бегать.

– Лен... ну ты вообще даешь...

– Бывай, Витя. Не поминай лихом.

Я вышла из родного отдела с легким сердцем. Молоденький дежурный сержант на проходной привычно козырнул мне на прощание. Он даже не догадывался, что только что

выпустил на улицу абсолютно гражданского человека.

Я толкнула тяжелую металлическую дверь и вышла на крыльцо.

Московская зима встретила меня во всей своей депрессивной красе. С серого, низкого неба летела какая-то мокрая, холодная дрянь. Под ногами на ступеньках чавкала мерзкая грязная слякоть. Ледяной ветер тут же задул под расстегнутое пальто, заставляя поежиться от холода. Было сыро, промозгло и очень неуютно.

Но я сделала глубокий вдох морозного воздуха и вдруг улыбнулась. У меня не было работы. У меня не было плана на завтрашний день. И, скорее всего, очень скоро у меня не станет мужа, когда Глеб узнает о моей выходке с увольнением.

Вчера вечером, задувая свечи на дурацком покупном торте, я загадала одно простое желание: «Пусть в моей жизни всё сложится наилучшим образом».

– Ну, спасибо тебе, Вселенная, – вслух пробормотала я, глядя в свинцовое московское небо и поднимая воротник пальто. – Очень оперативно работаешь. Сразу, смотрю, с козырей зашла. Никакой бюрократии!

В кармане пальто громко завибрировал смартфон. Я достала его и посмотрела на экран. Там крупными буквами светилась надпись: «Любимый муж».

Раньше я бы тут же вытянулась по струнке и ответила. А сейчас я смотрела на этот мигающий вызов и не чувствовала

ничего, кроме легкой насмешки. Я нажала красную кнопку «Отклонить», отключила звук и бросила телефон обратно в карман.

Затем я смело шагнула с крыльца и смачно наступила новым дорогим сапогом прямо в самую глубокую, грязную лужу. Брызги полетели во все стороны.

– Да и плевать, – засмеялась я.

Зато теперь это была моя собственная лужа. И я выбрала её сама.

Глава 3

Свобода, как оказалось, имеет привкус дешевого маргарина, какао-порошка и застарелой ванили. Я всегда думала, что в день увольнения буду дышать морозным воздухом полной грудью, ну или, на худой конец, вдыхать запах дорогой кожи в такси, которое умчит меня в новую жизнь. А по факту, я стояла в сетевом супермаркете у дома и пялилась на полку с кондитеркой.

Мне просто до одури захотелось сладкого. Не тех микроскопических десертов с сусальным золотом и семенами чиа. Хотелось нормального, понятного сахара из советского детства. На полке сиротливо, как забытый вещдок, лежал торт «Прага». Темный, тяжелый, залитый блестящей глазурью. Судя по дате, он помнил еще прошлую смену продавцов, а может, и прошлое тысячелетие.

– Беру, – сказала я, плюхнув коробку на ленту.

Кассирша окинула меня подозрительным взглядом. Еще бы: стоит тетка в дорогом пальто и полицейской форме, с брендовой сумкой, лицо помятое, тушь слегка потекла, и покупает самый дешевый торт в разгар рабочего дня.

– Пакет нужен? – буркнула она.

– Нет, спасибо. Понесу так.

Я вышла из магазина. В лицо тут же чуть швырнуло пригоршню мокрого московского снега пополам с грязью, ми-

мо с ревом пронеслась уборочная машина, обдав тротуар коричневой жижей. Я несла эту картонную коробку, нелепо перевязанную веревочкой, перед собой. В голове все еще стоял крик моего начальника, Рябова: «Фирсова, ты с ума сошла?! Подполковник полиции, двадцать лет выслуги, до пенсии рукой подать!». Но его вопли становились все тише, превращаясь в фоновый шум. Я сделала это. Я уволилась. Рапорт подписан, назад пути нет.

Обычно я приползала домой ближе к полуночи, когда мой муж уже спал. Или делал вид, что спит. Заявиться в квартиру в два часа дня было настоящим преступлением против нашего устоявшегося графика.

Лифт нашего элитного ЖК бесшумно понес меня на двенадцатый этаж. Зеркала безжалостно отразили уставшую женщину, которой срочно нужен был душ, сон и кусок этого углеводного монстра.

Я вставила ключ в замок. Он провернулся мягко, без единого звука.

Едва я перешагнула порог, как в нос ударил резкий, приторный запах. Чужие духи. Сладкие, цветочные, до тошноты удушливые. Мозг, натренированный годами оперской работы, шелкнул тумблером и перешел в режим сканирования. Запах слишком знакомый. Кто из наших пользуется этой химической атакой от Шанель?

Взгляд скользнул по полу. Рядом с аккуратными домашними тапочками Глеба валялись красные лаковые туфли на

сумасшедшей шпильке. Я моргнула. Я прекрасно знала эти туфли и сама же выбирала их в подарок Кате на распродаже в Милане.

Пазл сложился с противным щелчком. Вчера, на празднике, она весь вечер слишком активно хихикала над шутками моего мужа. А сегодня я пришла пораньше, когда муж, по идее, должен быть в офисе на совете директоров. Но он был здесь.

Из глубины квартиры, со стороны кухни-гостиной, доносились звуки. Тихий, залиvistый женский смешок и звон бокалов.

Вместо того чтобы устроить истерику, я почувствовала, как на меня накатывает ледяное спокойствие. Никакого пафоса, никаких разбитых сердец. Просто констатация факта, что на моей территории посторонние. Я скинула сапоги прямо на коврик. Пальто бросила на пуфик. Коробку с тортом я так и держала в руках и пошла по коридору, бесшумно ступая в одних носках по ковровину.

Дверь в кухню была приоткрыта.

Первое, что я увидела, Катя. Вернее, ее филейную часть, обтянутую черным кружевным корсетом. Больше на ней ничего не было, если не считать моих новеньких чулок со стрелкой сзади. Катя стояла в позе буквы «зю» у открытого холодильника и ковырялась в контейнерах.

– Глебушка, а где у вас лед? – проныла она капризно. – Шампанское совсем теплое, пить невозможно! И колбас-

ки бы...

– Сейчас найду, котенок, секуунду, – донесся с балкона голос мужа. – У меня тут важный звонок.

Я перевела взгляд. Глеб стоял у панорамного окна. В расстегнутой рубашке, пузо слегка нависает над ремнем брюк. Он чесал волосатую грудь одной рукой, а другой прижимал телефон к уху.

– Да, Михалыч, переводи все на офшор. Срочно. Какая Лена? Да что Лена... Она лопух! Сидит в своей мусарне, бумажки перекладывает. Подполковник, блин! Да она даже не заметит, что фирма сменила владельца, у нее мозги только на протоколы заточены.

«Лопух». «Мусарня». Я хмыкнула. Ну надо же, какой стратег.

Я шагнула в кухню и с громким, тяжелым стуком опустила коробку с тортом на мраморный остров.

– БАМ! – сказала я громко.

Катя взвизгнула, подпрыгнула и ударилась головой о полку холодильника. На пол полетела палка сырокопченой колбасы. Подруга резко развернулась. Ее лицо, раскрасневшееся то ли от шампанского, то ли от недавних кувырков в спальне, мгновенно приобрело цвет невареной макаронины.

– Л-ленка? – выдавила она, судорожно пытаясь прикрыться дверцей холодильника. – А ты... а мы...

– Немецкое кино снимаете? – любезно поинтересовалась я, опираясь руками о столешницу. – Сюжет банальный, Ка-

твоя. И лицом переигрываешь. Сантехник пришел, а у тебя лед закончился?

Глеб на балконе дернулся так, будто ему в задницу выстрелили солью. Телефон выскользнул из его пальцев и с сочным хрустом грохнулся на плитку. Он медленно обернулся. Паника на его лице боролась с попыткой нацепить маску строгого хозяина дома. Выглядело это максимально жалко.

– Лена?! Ты почему не на работе?! – выпалил он, делая шаг в комнату и судорожно застегивая пуговицы, путая петли.

– Да вот, уволилась, – просто сказала я. – Решила сюрприз сделать. Но, смотрю, праздник уже начался без меня.

Катя тем временем отмерла и схватила со стола кухонное полотенце. Маленькое, вафельное, с нарисованными гусями. Прикрыла им грудь, хотя задница осталась сверкать моими чулками.

– Леночка, это вообще не то, что ты думаешь! – заверещала она. Голосок сорвался на ультразвук. – Мы просто... у меня дома кран потек! А Глеб Сергеевич любезно согласился помочь советом!

Я откровенно заржала.

– Кран? Seriously? И ты приперлась чинить кран ко мне домой, в трусах и моих чулках? Катя, ты реально такая дура или это защитная реакция организма?

– Прекрати этот балаган! – рявкнул Глеб, решив пойти в атаку. Он выпятил грудь, стараясь казаться больше. – Ты

врываешься, устраиваешь сцены... Мы взрослые люди! Да, так вышло! Мы с Катей полюбили друг друга. Это страсть! Тебе не понять, ты же сухарь! Подполковник в юбке, у тебя вместо сердца – Уголовный кодекс!

Я смотрела на него. Двадцать два года брака. Я думала, что будет больно. А мне было смешно. Стоит передо мной потеющий, стареющий мужик, несет какую-то чушь про страсть, а сам косится на разбитый телефон.

– Страсть, говоришь? – я задумчиво дернула за веревочку на коробке.

– Да! И мы собирались тебе все честно сказать. Потом.

– Это когда ты перепишешь все наши активы на офшор, чтобы оставить меня с голой задницей при разводе? – уточнила я будничным тоном.

Глеб поперхнулся воздухом. Его глазки забегали.

– Ты... ты подслушивала? Шпионишь за мужем?! Опять свои ментовские штучки используешь?!

– Ой, Глеб, расслабься, – отмахнулась я, открывая картонную крышку. – Кому ты нужен, шпионить за тобой. Ты орешь на весь район.

Торт был прекрасен. Тяжелый, как кирпич, и очень жирный.

– Смотрю, со сладеньким вы и без меня справляетесь, – я подцепила пальцами картонную подложку. – Но я все же добавлю праздничного настроения. В честь моего увольнения. И нашего развода.

– Лена, поставь торт на место, – пискнул Глеб, пятясь к дивану.

Но я уже просунула пальцы под бисквит и с разломила его пополам. Он влажно чавкнул, оставляя на руках липкий крем.

– Держи, Катюха. За женскую солидарность. И за то, что вечно сидишь на диетах, – сказала я и, особо не целясь, просто швырнула половину торта в подругу.

– А-а-а! – взвизгнула Катя.

Шлепок вышел идеальным. Бисквит смачно впечатался в ее лицо, размазывая глазурь по носу и глазам. Шоколадный крем шлепнулся на полотенце с гусями и пополз вниз по корсету. Катя стояла, расставив руки, отплевывалась от крошек и походила на чучело Масленицы, которое забыли сжечь.

– А это тебе, Ромео, – я повернулась к мужу. – За честность.

Второй кусок полетел в Глеба. В годы службы я неплохо сдавала нормативы по стрельбе, так что глазомер меня не подвел. Муж попытался пригнуться, но кусок шоколадного счастья настиг его прямо в полете, врезавшись в переносицу. Брызги жирного крема разлетелись по его светлой рубашке и дорогим обоям.

На кухне повисла звенящая тишина. Катя громко всхлипывала, пытаясь отковырять бисквит от накладных ресниц. Глеб стоял, моргая сквозь коричневую массу на лице, и был похож на очень грустного, потасканного медведя.

Я брезгливо вытерла руки о влажную салфетку, которую достала из кармана.

– Ну вот. Так-то лучше, – сказала я. Удивительно, но внутри стало невероятно легко и пусто. – Торт правосудия подан. Жрите, не обляпайтесь.

– Ты ненормальная! – заорал Глеб, стирая крем с губ. – Я тебя по миру пушу! Ты отсюда вообще без копейки вылетай!

– Удачи, бизнесмен, – я развернулась к выходу. – Ключи от моей машины на тумбочке в коридоре. Забери себе, мне этот пафосный гроб на колесах никогда не нравился.

Я пошла по коридору.

– Стоять! Куда пошла?! Мы еще не поговорили! – вопил Глеб мне в спину.

– А мне не о чем с вами разговаривать, – крикнула я, обувая сапоги и накидывая пальто. – Я уволилась со всех должностей. Женой я тоже больше не работаю!

Я вышла на лестничную площадку и со всей дури хлопнула дверь. Грохот разнесся по всему элитному этажу.

На улице стемнело. Валил пушистый, совсем уж сказочный снег. Он ложился на крыши припаркованных машин, на грязный асфальт, на мое горящее лицо. Снежинки таяли на щеках, смешиваясь со слезами. Я не знала, откуда они взялись. Это не было горе, скорее истерический, дикий хохот. Я стояла посреди двора, смотрела на желтый свет фонарей и смеялась в голос, пугая редких прохожих.

К сорока пяти годам я осталась без работы, без мужа и, по сути, без дома.

Зато у меня было железобетонное ощущение, что все идет ровно так, как надо. Просто мое «наилучшим образом» оказалось немного липким, пахло маргарином и выглядело как разбитая физиономия бывшего мужа.

Я выудила из кармана телефон и набрала Леру. Гудки шли долго.

– Да, Ленусь? – раздался в трубке бодрый голос подруги. – Ты чего не спишь? То есть... ты чего звонишь, случилось что?

– Лерка, ты дома? – спросила я. Голос предательски дрожал, срываясь на смех.

– Дома. А что за тон? Лена, ты пьяная?

– Нет. Я тут просто... решила сделать легкий косметический ремонт своей жизни. Мне надо срочно выговориться. И, скорее всего, пожить у тебя пару дней.

– Господи Иисусе, – выдохнула Лера в трубку. – Фирсова, что ты опять натворила? Кого-то убила?

– Нет, – я счастливо улыбнулась снегопаду. – Просто накормила мужа и Катюху тортиком. С руки.

– Какую Катюху? Какой тортик?!

– «Прагу», Лер. Жди, я еду.

Я сунула телефон в карман и решительно зашагала прочь от дома. Впереди была полная неизвестность, но сейчас она казалась мне куда привлекательнее, чем вид моего перепу-

ганного мужа в шоколадном креме. Вечерняя Москва зажигала яркие гирлянды, обещая чудо каждому. Даже такой бездомной, безработной дуре в звании подполковника, как я.

Глава 4

Я брела по тротуару и совершенно не смотрела, куда наступаю. Ещё минут двадцать назад во мне бурлил адреналин. Я чувствовала себя героиней крутого боевика, которая пришла восстанавливать справедливость. А теперь боевик закончился. Внутри осталась только противная пустота, похожая на остывшую манную кашу. И ещё мне было очень холодно. Злющий декабрьский ветер кидался колючим мокрым снегом прямо в лицо. Он забирался под расстёгнутое пальто, противно щекотал шею и морозил грудь.

Но застёгивать пуговицы я принципиально не стала. Холод отрезвляет получше нашатыря. Если я сейчас замотаюсь в шарф и согреюсь, то точно расплачусь прямо здесь, на глазах у прохожих. А подполковнику полиции рыдать на улице не положено по уставу. Даже если этот подполковник час назад положил на стол начальству рапорт об увольнении.

Вокруг творился какой-то предновогодний сумасшедший дом. Москва неслась куда-то с вытаращенными глазами. Люди тащили огромные блестящие пакеты, колючие ёлки, какие-то дурацкие коробки с гигантскими бантами.

Все куда-то очень спешили. Толкались локтями, бурчали дежурные извинения и бежали дальше по своим очень важным делам. И только я плелась еле-еле, как сломанная заводная кукла. У всех этих нормальных людей сейчас в головах

списки покупок, рецепты салатов, покупка шампанского по акции и наряды на корпоративы.

А у меня что? У меня конец карьеры, которой я отдала двадцать лет, брак тоже рухнул. И абсолютно никакой ясности, на что я завтра буду покупать хлеб.

Я остановилась около витрины какого-то дорогущего бутика одежды, куда в жизни бы не зашла. За чистым стеклом, на куче искусственного белого снега сидел пластиковый Санта-Клаус в натуральную величину. Он ритмично дергал головой под дурацкую песню «Jingle Bells», которая громко орала из колонок над входом. Со стороны казалось, что этот румяный дед смотрит на меня, кивает и радостно говорит: «Да, Лена, жизнь твоя полная ерунда! Так тебе и надо!»

– Джингл белз, джингл белз, – тихо передразнила я Санту. Голос предательски дрогнул. – Приехали, Леночка. Вылезай. Дальше остановки нет. Впереди только глухой тупик.

Я посмотрела на своё отражение в стекле витрины. Вид был так себе, если честно. Волосы растрёпаны, тушь потекла. Стою тут в фирменном пальто нараспашку, с красным носом, как городская сумасшедшая.

Вдруг откуда-то сбоку потянуло сильным запахом корицы, гвоздики и подогретого дешевого вина. Наверное, за углом открыли очередную рождественскую ярмарку в деревянных домиках и варят глинтвейн для туристов. Обычно мне этот запах очень нравился, он казался таким уютным. Но сейчас от этой приторной сладости меня просто замутило.

Сразу вспомнилось, как мы с Глебом когда-то давно, когда он ещё не был важным бизнесменом, гуляли здесь, по центру. Мы пили точно такой же глинтвейн из обжигающих руки пластиковых стаканчиков, смеялись над какими-то глупостями. Я тогда смотрела на него и свято верила, что мы будем вместе до самой пенсии. Будем нянчить внуков и ездить на дачу.

Какая же это была беспросветная чушь. Всё оказалось враньем с самого начала. Глеб просто использовал меня, мою должность, мои связи, чтобы построить свою империю. А когда построил, то решил, что старая жена ему больше не нужна.

В кармане завибрировал телефон. Один раз, второй, третий. Кто-то очень настойчиво пытался до меня дозвониться. Я достала мобильник замерзшими, негнущимися пальцами. На ярком экране большими буквами светилось имя: «Лерка».

– Алло? – сказала я в трубку. Голос прозвучал сипло и хрипло, словно я простудилась и не разговаривала неделю.

– Лена! Ты вообще где ходишь?! – заорала Лера в динамик так громко, что мне пришлось резко отодвинуть телефон от уха. – Ты же русским языком сказала, что едешь ко мне! Уже почти час прошел! От твоего дома до моего пятнадцать минут на такси, ну двадцать, если пробки! Я уже думала звонить в морг, в больницу или в полицию... Ой, блин, в полицию звонить тупо, ты же сама из полиции... Лена, не

молчи, ради бога!

Я устало прислонилась горячим лбом к холодному стеклу витрины. Санта-Клаус по ту сторону стекла всё так же радостно и ритмично кивал мне.

– Я больше не из полиции, Лер, – ответила я тихо, глядя на искусственный снег. – Я сегодня уволилась. И женой я больше тоже не работаю. Моя смена закончилась. Я теперь просто прохожая.

– Так, стоп, – тон подружки резко поменялся. Лера была из тех людей, кто в панике умеет брать себя в руки. Голос стал командирским. – Включаем геолокацию, Лена. Посмотри по сторонам. Что ты видишь вокруг?

– Вижу дурацкого Санту с бородой из ваты. Он надо мной издевается. Ещё вижу кучу счастливых, довольных людей с пакетами. Так и хочется подойти, проверить у них документы и задержать суток на пятнадцать за подозрительно хорошее настроение. И ещё слышу эту бесячую американскую песню про бубенцы. Уши от неё уже болят.

– Фирсова, ты что, напилась где-то по дороге? – с огромной надеждой в голосе спросила Лера.

– Если бы, Лер! Если бы! Я абсолютно трезвая. Трезвая, как стеклышко. В том-то и проблема. Я всё слишком хорошо понимаю и чувствую. Каждую секунду.

Тут меня всё-таки прорвало окончательно. Весь мой хваленый цинизм и выдержка подполковника, которую я годами вырабатывала на службе, куда-то испарились. Я просто

расклеилась.

– Лерка, это просто кошмар какой-то... – я громко шмыгнула носом. Получилось очень некрасиво и жалко, но мне было уже наплевать на приличия. – Ты не представляешь, что там было... Представляешь, прихожу я домой пораньше. Думала сюрприз сделать. Захожу на кухню. А там Катя. Катя, Лер! Наша с тобой общая Катя!

– Чего?! Какая Катя?! – Лера аж поперхнулась воздухом на том конце провода.

– Да та самая! И ладно бы она просто в гости пришла чай попить! Она стояла посреди моей кухни в моих чулках! Помнишь, я из Милана в прошлом году привезла, дорогушие, черные, с красивой кружевной резинкой? Я их ещё ни разу не надевала, для годовщины берегла! А эта корова натянула их на свои кривые ноги, стоит в таком виде и, прикинь, зеленый виноград из холодильника жрёт!

– Катька?! – завопила Лера так, что у меня чуть барабанная перепонка не лопнула. – Вот же дрянь крашенная! А я тебе сто раз говорила: посмотри на неё, у неё глазки бегают, как у мелкой воровки! Я так и знала, что она с гнильцой баба!

– А Глеб... – я вытерла набежавшие слезы рукавом пальто. Плевать, что кашемир дорогой, завтра отдам в химчистку или вообще выброшу. – Глеб вообще выдал. Стоит рядом в одних трусах и рубашке, даже не краснеет и не пытается прикрыться. И говорит мне таким спокойным тоном: «Лена, успокойся, это просто страсть, ничего личного, и тебе не по-

нять, ты сухарь».

Я для него вообще не женщина была. Просто бесплатный юрист, решала и крыша в погонах.

Мимо по тротуару прошла какая-то молодая пара. Парень заботливо укутывал свою девушку в толстый пушистый шарф, чтобы ей не дуло. Они посмотрели на меня, растрепанную, заплаканную взрослую тётку, которая стоит нараспашку и орёт на всю улицу в телефон возле бутика и очень быстро пошли дальше. Я бы тоже от себя побежала.

– Слушай, а ты-то что сделала? – с жадным любопытством спросила Лера. Сплетница в ней проснулась даже в такой момент. – Только не говори мне, что ты расплакалась, собрала вещи и гордо ушла в туман! Я тебя убью тогда!

– Я ему торт в морду запустила, – мстительно хихикнула я сквозь слезы. – Ту самую «Прагу». Половину ему, а другую половину Катьке.

– Да ладно?! – Лера радостно завизжала в трубку. – Прямо в его наглуую рожу?!

– Ага. Прямо в цель. Глеб стоял весь в шоколадном бисквите, как снеговик из грязи. У него сладкий крем с носа капал прямо на его дурацкое пузо. А Катька визжала на ультразвуке, потому что жирный крем попал ей на нарощенные волосы.

– Блин, как жалко, что меня там не было! Я бы это шоу на телефон сняла! – громко расхохоталась подруга. Но потом резко посерьезнела, как по щелчку. – Так, Лена. Хватит сме-

ваться. Слушай мою команду. Ты сейчас стоишь одна на холодной улице, мерзнешь, собираешь сопли и активно занимаешься саможалостью. Это нормально, разрешаю. Но если ты прямо сейчас не поймаешь такси и не приедешь ко мне домой, я сама за тобой приеду. Выскочу прямо в пижаме со Спанч Бобом и в бигудях, прыгну за руль и найду тебя. Поверь мне, это будет зрелище намного страшнее, чем Катька в твоих миланских чулках.

– Лер, у меня больше вообще ничего нет, – я снова шмыгнула носом, чувствуя себя маленькой обиженной девочкой. – Работу бросила. Столько лет отпахала, до подполковника дослужилась, здоровье там оставила – и всё коту под хвост. Мужа нет, предал. Подруги нет. Мне сорок пять лет, Лер. Я стою на морозе с одной сумочкой, и я настоящий бомж. Элитный такой бомж с хорошим маникюром и в брендовом пальто.

– Отставить панику, подполковник Фирсова! – рявкнула Лера так, что я чуть телефон не выронила. – Что за сопли? Что значит «ничего нет»? У тебя есть я, лучшая подруга на свете! У тебя есть твоя Алинка, дочка, которая тебя просто обожает. У тебя есть твои мозги, в конце концов! И самое главное, у тебя теперь есть свобода! Ты хоть понимаешь это своей умной полицейской головой? Ты свободная женщина! Тебе больше не нужно прислуживать и терпеть этого козла Глеба. Не нужно вытаскивать из передраг его тупых дружков-бизнесменов. Не нужно натянуто улыбаться этой змее Катьке. Всё! Делай что хочешь! Живи для себя!

Я медленно оторвалась от витрины. Холодный ветер снова швырнул мне в лицо пригоршню мокрого снега, словно пытался окончательно разбудить.

– Свобода... – тихо повторила я вслух. Слово было какое-то странное. Непривычное, колючее, немного пугающее, но очень манящее.

– Вот именно! Свобода! А теперь быстро диктуй, на какой улице ты стоишь и возле какого дома. Я сама вызову тебе такси по приложению, а то ты там с горя не на те кнопки нажмешь.

Я огляделась по сторонам, нашла глазами табличку на углу здания и назвала адрес.

– Всё, заказ принят. Жди на месте, я еду. Машина будет через пять минут. Серый Хендай Солярис. И, Лена... хватит реветь. Вытирай сопли. Тушь у тебя хорошая, французская, очень дорогая. Жалко переводить её на всяких идиотов вроде Глеба.

Лера сбросила звонок.

Я осталась совсем одна посреди шумной, сверкающей огнями московской улицы. Желтые огни проезжающих машин и яркие фонари красиво отражались в мокрых лужах на черном асфальте. Москва сияла, гудела моторами и торопилась жить. Этому огромному городу было абсолютно всё равно на то, что у одной отдельно взятой Лены Фирсовой только что с треском рухнула вся жизнь. В этом городе каждый день кто-то разводится, кто-то плачет на улице, а кто-то ест торты с

горя. Москва пережует это и не подавится.

Я снова повернулась к витрине бутика. Санта-Клаус всё так же безостановочно дергал своей пластиковой головой.

– Ладно, старый дурак, – усмехнулась я, глядя ему в глаза. – Твоя взяла. Пусть будет джингл белз. Посмотрим, кто кого.

Я сделала глубокий вдох. Где-то там, пробираясь по вечерним московским пробкам, ко мне уже ехал серый Хендай Солярис. Значит, я не брошена на произвол судьбы. Меня ждут в теплой, уютной квартире. Там точно будет горячий чай, душевные разговоры на кухне и, скорее всего, крепкий коньяк из Лериных запасов.

Я подняла широкий воротник своего пальто и плотно застегнула самую верхнюю пуговицу. Хватит мерзнуть. Ну что ж, сегодняшнюю битву я, может быть, и проиграла с разгромным счетом. Зато теперь я воевать только на своей собственной стороне. И я ещё посмотрю, кто в итоге выиграет эту войну.

Глава 5

Телефон в руке так нагрелся, что казалось, я держу не модный смартфон, а раскалённый утюг. В трубке истошно орала Лера. Она кричала что-то про жуткие десятибалльные пробки, про оленей на дорогах, которые купили права на распродаже вместе с искусственными ёлками, и про то, что она сейчас кого-нибудь покусает. Связь всё время квакала и прерывалась.

В центре Москвы опять глушили навигаторы. Моя геолокация упрямо показывала, что я стою посреди взлётной полосы во Внуково, хотя на самом деле передо мной сверкал новогодними огнями Большой театр.

– Лер, хватит орать, – громко сказала я, пытаюсь перекрыть гул машин и музыку из ближайшего кафе. – Ты меня по этому дурацкому навигатору всё равно не найдёшь. Я сейчас в московской аномальной зоне. Тут таксисты плачут, а компасы сходят с ума.

– Стой, где стоишь! – скомандовала подруга голосом генерала перед решающей битвой. – Я уже плюнула на эту машину, бросила её где-то во дворах у метро. Бегу к тебе пешком! Давай, работай, подполковник, включай свою дедукцию и описывай обстановку вокруг! Что видишь?

Я тяжело вздохнула и огляделась. Полицейская привычка тут же включилась сама собой. Что я видела? Я видела празд-

ничный, безумно дорогой и суетливый хаос. Всё это мелькало перед глазами одной пёстрой лентой. От неоновых гирлянд рябило в глазах.

Я сделала пару шагов в сторону, чтобы меня случайно не затоптали, и вдруг увидела её. Одну из главных ёлок столицы.

Она стояла прямо посреди площади, огороженная нарядным заборчиком.

Это было, конечно, не живое дерево, а хитрая конструкция. Дизайнеры освоили на ней не один миллион рублей из бюджета, это уж точно. Пластиковые ветки прогибались под тяжестью золотых и красных шаров, каждый из которых был размером с хороший арбуз. Вокруг неё плотно намотали километры проводов и сверкающих гирлянд. А на самом верху гордо торчала огромная красная звезда.

Ёлка сияла так ярко, что резало глаза. Люди вокруг неё толпились, толкались локтями, фотографировались. Но за заборчик никто зайти не мог. Она стояла там, внутри, совершенно одна в своей идеальной, неприступной красоте.

– Ленка! Ты жива там? – снова заорала в ухо Лера, возвращая меня в реальность. – Я у какого-то ледяного памятника! Куда мне бежать? Налево, направо?

Я усмехнулась, не сводя глаз с зелёной громадины.

– Лера, просто иди к площади, – сказала я тихо и спокойно. – Я жду тебя у главной ёлки.

– Да их тут целый лес натыкан! – запыхавшись, возмути-

лась подруга. Я прямо слышала, как она там дышит паром на морозе. – У какой конкретно?!

– У самой большой, Лер. Ты её не пропустишь, – я смотрела на гигантский красный шар, в глянцевом боку которого криво отражалась моя ссутулившаяся фигура в тёмном пальто. – Она тут стоит совсем одна. Такая же нарядная и такая же одинокая, как дура. Нам с ней есть о чём помолчать.

Лера вдруг замолчала. Перестала сопеть в трубку.

– Поняла, – ответила она совсем другим тоном, без своих обычных шуточек. – Пять минут, Ленусь. Стой на месте. Если что, хватайся за ветку, чтобы ветром не сдуло.

Я сбросила вызов и сунула ледяной телефон в карман. Подошла ближе к металлическому ограждению. На нём висела красивая блестящая табличка: «С Новым годом! Правительство Москвы желает вам счастья!».

Я криво усмехнулась. Спасибо, конечно. Счастье мне сейчас ой как пригодится. Желательно, чтобы оно выдавалось пачками стодолларовых купюр. Или чтобы это была путёвка на необитаемый остров, где нет бывших мужей, их наглых любовниц и судов по разделу имущества.

Я прислонилась спиной к ледяному заборчику и задрала голову вверх.

«Ну, здорово, подруга», – мысленно поздоровалась я с ёлкой.

А ведь мы и правда были с ней до ужаса похожи. Я ведь тоже всю жизнь из кожи вон лезла, чтобы быть «правиль-

ной». Я старательно строила из себя идеальную картинку для окружающих. Дослужилась до подполковника полиции – молодец. Вышла замуж за перспективного бизнесмена Глеба – умница. Квартира в хорошем районе, ремонт, чистые рубашки мужа, дочка-студентка. Я, прямо как эта ёлка, увешала себя социальными игрушками. Статус, престижная работа, успешный брак. На всех этих бесконечных корпоративах в МВД и на бизнес-ужинах мужа я улыбалась и сверкала, создавая видимость, что у нас всё просто супер.

А внутри? А внутри у меня, как у этой ёлки, был просто холодный железный каркас из чувства долга, привычки и дикой усталости.

Вдруг рядом со мной остановилась семья. Мама, папа и маленькая дочка. Девочка была укутана в розовый пухлый комбинезон и смешно переваливалась с ноги на ногу, вылитая зефирка.

– Пап, смотри! – восторженно запищала девочка, тыча маленькой варежкой в сторону гигантской ёлки. – Какая огромная! Она прямо до неба достаёт?

– Почти, принцесса, – тепло улыбнулся уставший папа и подхватил дочку на руки. – Дед Мороз специально такую большую привёз. Чтобы под неё все подарки для детей влезли.

– А она настоящая? – спросила девочка, широко открыв глаза.

Мужчина на секунду замялся. Я, со своим полицейским

нюхом, сразу поняла: сейчас будет бессовестно врать.

– Ну... она волшебная! – выкрутился папаша. Мама рядом снисходительно покачала головой и улыбнулась.

Я отвернулась и шмыгнула носом. В горле встал колючий комок. Когда-то давно и моя Алинка была такой же маленькой смешной зефиркой. Мы с Глебом тоже так гуляли по праздничной Москве. Он сажал дочку на плечи, мы ели горячие пончики, и мы ведь были по-настоящему счастливы.

Куда всё это испарилось? В какой момент мой муж превратился в жадного, трусливого коммерсанта, который считает каждую копейку и прячет активы от налоговой.

Снегопад усилился. Крупные белые хлопья медленно падали прямо мне на лицо.

Я закрыла глаза. Мне вдруг до одури захотелось просто упасть в ближайший сугроб.

– Подполковник Фирсова! А ну отставить сопли!

Этот громкий, командирский голос я узнала бы из миллиона. Он перекрыл даже шум гудящей московской пробки. Я резко открыла глаза.

Прямо ко мне, агрессивно распахивая локтями толпу возмущенных туристов, пёрла моя Лера. Выглядела она так, словно только что сбежала из бродячего цирка.

Сверху на ней был надет кислотно-жёлтый пуховик. Изпод него торчали широкие фланелевые штаны от пижамы, на которых были нарисованы бурые медведи с бочонками мёда. На ногах красовались растоптанные угги. Я присмотрелась

повнимательнее – правый сапог был серый, а левый коричневый. На голове у Леры торчала нелепая вязаная шапка с гигантским помпоном, который болтался туда-сюда в такт её шагам.

Люди в шоке шарахались от неё в стороны. Кто-то крутил пальцем у виска, кто-то поскорее отводил детей подальше от греха.

Лера подскочила ко мне, схватила за плечи обеими руками и хорошенько встряхнула, как пыльный коврик.

– Так, ну-ка посмотри на меня! – скомандовала она, внимательно заглядывая мне в лицо. – Глаза на месте. Нос красный, как у Деда Мороза после смены. Тушь потекла, видок у тебя, конечно, как у панды в глубокой депрессии. Но жить будешь!

– Лер... – я неверяще уставилась на её ноги. – Ты что, в пижаме? И обувь разная... Правый серый, левый коричневый. Ты в курсе?

– Ой, да ладно тебе! – отмахнулась Лера, мельком посмотрев на свои ноги. – Это новый московский тренд, называется «паническая атака». Я ж тебе по телефону русским языком сказала: я уже ко сну готовилась, масочку омолаживающую на лицо налепила! Тут ты звонишь, ревёшь белугой в трубку. Я масочку сорвала, вскочила, схватила первое, что из шкафа вывалилось, и побежала спасать. Скажи спасибо, что я не в шёлковом пеньюаре примчалась. А то бы нас тут патруль забрал за нарушение общественного порядка, а мне завтра

на работу.

Она шагнула ближе и крепко-крепко меня обняла. И мне вдруг стало так тепло.

– Ну всё, всё, Ленуська, – забормотала она, поглаживая меня по спине своей пухлой варежкой. – Поплакала и хватит. Ты же у меня подполковник! Ты же железная леди, крепень! Сейчас поймем мотор, поедem ко мне домой. У меня там припрятана бутылочка дорогущего вина как раз на случай зомби-апокалипсиса или чего похуже. Вот мы этот твой личный апокалипсис сегодня и отметим!

Я уткнулась замерзшим носом в её скользкое жёлтое плечо.

– Лер, да никакая я больше не железная, – пробурчала я, чувствуя, как снова предательски наворачиваются слёзы. – Я вся заржавела и сломалась.

– Ой, подумаешь, трагедия! Синей изолянткой замотаем и будешь бегать как новенькая! – громко засмеялась подруга. – Пошли отсюда. А то твоя ёлка уже на нас косо поглядывает. Завидует, наверное, что у неё такой классной подруги, как я, нету.

Лера отстранилась, уверенно взяла меня под руку, как маленькую девочку, и потащила прочь от ограждения.

– погоди секунду, – я притормозила и в последний раз обернулась на ёлку.

Она так и стояла на своём месте. Высокая, блестящая и абсолютно неживая. Золотые шары красиво отражали огни

уличных фонарей, но внутри, под этой показушной мишурой, была только непроглядная темнота и холодные железные балки.

– Прощай, – тихо сказала я вслух.

Лера посмотрела на меня с легким испугом в глазах.

– Лен, ты чего? Ты реально с деревом прощаешься? – она осторожно потрогала мой лоб сквозь шапку. – Это у тебя шок от мороза или уже кукушка поехала на фоне стресса?

– Это стадия принятия, Лер. Я с прошлой жизнью прощаюсь. Навсегда, – ответила я и сама удивилась, как твердо и спокойно прозвучал мой голос.

– Ох, ну и пафоса ты нагнала! Прямо как в дешёвом сериале на втором канале! – фыркнула Лера, но мою руку под локоть сжала ещё крепче. – Пошли давай, философ с потекшей тушью. Сюда такси ни в жизнь не проедет, тут гаишники всё перекрыли к чертям. Придётся топтать ногами до соседнего переулка. Заодно голову проветришь.

Мы пошли сквозь толпу людей. Мороз неприятно щипал мокрые щеки, но мне вдруг стало намного легче дышать. Рядом шла Лера. Она смешно семенила в своих разных углах, скользила по дурацкой обледенелой плитке, громко ругалась на дворников и мэра, и параллельно рассказывала мне какую-то абсолютную чушь. Про то, как её сумасшедший сосед сверху внезапно решил купить трубу и теперь каждый вечер фальшиво дудит какой-то гимн.

– Ладно, погнали, – сказала я, расслабленно откидываясь

на спинку сиденья.

Машина дёрнулась и поехала вперёд. Мы уезжали всё дальше от центра города, от этой фальшивой сверкающей ёлки, от богатой квартиры, где остался растерянный Глеб с куском торта на лице любовницы, и от всей моей прошлой, искусственной жизни. Впереди была только тёмная зимняя ночь, спасительная тёплая кухня моей чокнутой подруги и какой-то совершенно сумасшедший план с медведями и отсутствием связи.

Но мне почему-то совсем не было страшно. Потому что хуже, чем сегодня, уже точно не будет. А значит, дальше будет только лучше. Я просто обязана в это поверить.

Глава 6

Кухня у Леры была полной противоположностью моей. Точнее, той, что осталась в прошлой жизни, где служба клининга бывала куда чаще, чем звучал искренний смех. Здесь же было тесно и пёстро.

– Садись, – скомандовала подруга, усаживая меня на колченогий стул с цветастой подушкой. – Руки на стол, голову не вешать. Сейчас будем проводить реанимационные мероприятия.

Я послушно села. Колючий морозец, который успел прихватить меня на улице, пока я бежала к такси, сменился удушливым теплом батарей. Адреналин медленно отпускал. Он оставлял после себя только звенящую пустоту и дурацкое чувство, будто я смотрю кино про кого-то другого. Я уставилась на свои руки. Идеальный френч, кольцо с бриллиантом, символ успешного брака и статуса, который только что превратился в тыкву. Я стянула перстень и со стуком положила на дешёвую клеенку.

– Улика номер один, – буркнула я.

Лера тем временем гремела дверцами шкафчиков, как заправский медведь-шатун.

– Так, где же он... Ага! Мой стратегический запас.

На свет божий явилась покрытая пылью бутылка красного сухого и два бокала такого размера, что в них вполне мог бы

комфортно жить средних размеров карась.

– Каберне того самого года, когда я чуть не выскочила замуж за итальянца, – Лера с кряхтением вкручивала штопор. – Передумала в последний момент. Этот маменькин сынок свою драгоценную «мамму» любил больше, чем пасту и меня вместе взятых. Берегла на случай ядерной войны или климакса. Но твой развод, Ленка, бьет все рекорды по шкале Рихтера, так что повод железный.

Пробка чпокнула. По кухне поплыл густой аромат винограда и дубовой бочки. Лера плеснула вино от души, чуть ли не до краев.

– Пей, – она пододвинула стеклянную бадью ко мне. – Лекарство. Выдаю без рецепта, эффект гарантирован.

Я сделала большой глоток. Вино прокатилось по горлу теплым бархатом, растапливая ледяной ком, в который сжались мои внутренности за последние пару часов.

– Лер, – я посмотрела, как красные капли маслянисто стекают по стеклу. – Я ведь теперь официально бомж. Безработный бомж. У меня даже зубной щетки нет. Зато есть гордый статус подполковника в отставке.

– Ой, только давай без драмы! – Лера плюхнулась напротив, поджав под себя ноги в смешных пижамных штанах с медведями. – Щетку я тебе выдам, у меня есть новая. Специально держу для гостей, которые... ну, иногда остаются на завтрак. А насчет бомжа, ты даже сейчас богаче меня. Свободы вагон и маленькая тележка!

– Слушай, я бы почку отдала, чтобы видеть рожу Катьки! – выдавила Лера. – Признавайся, товарищ подполковник, ты целилась? Или это был нецелильный артиллерийский залп?

– Исключительно по наитию, – я тоже начала смеяться, чувствуя, как отпускает мышечное напряжение. – Но баллистика у торта оказалась отменной. Снайперское попадание. Прямо в фасад. Знаешь, крем так живописно потек по ее декольте... Она стала похожа на дешевую помадку, которую забыли на солнцепеке. Липкая, приторная и размазанная.

– А Глеб? – глаза Леры загорелись жадным бабским любопытством. – Что этот индюк?

– А Глеб... – я покрутила бокал. Мой внутренний следователь быстро составил протокол осмотра. – Глеб был в глубочайшем шоке. У него же система координат рухнула. Он привык, что я удобная функция. Молчу, глотаю обиды, подписываю нужные бумаги, красиво улыбаюсь на скучных приемах. А тут бунт, да еще с применением кондитерских изделий массового поражения. Орал на весь дом, что я сумасшедшая.

– Ну, доля истины в этом есть, – Лера отпила из бокала, одобрительно кивая. – Обычные брошенки бьют тарелки и истерят. Гениальные женщины молча бьют мужей и их любовниц тортами. Это стиль, Ленка! Мое почтение!

Мы немного помолчали. Старые часы на стене уютно тикали. Где-то там шумела снегопадом предновогодняя Москва. А здесь, на пятом этаже панельки, был безопасный

бункер.

– Если серьезно, Лен, – тон подруги резко изменился, смешинки в глазах пропали. – Что делать планируешь? Глеб же не утрется. Ты его знаешь. Он мелочный упырь.

О, я его знала. Мелочный, нарциссичный, трусливый. – Уязвленное эго для него страшнее налоговой проверки. Он не простит публичного унижения. Сначала отмоется от шоколада. Потом выпьет виски. Потом позвонит своим юристам, а следом – знакомым бандитам из своих девяностых, в которых он ментально застрял. Начнет сворачивать мне кровь. – Попытается вернуть? – Либо вернуть, чтобы потом бросить самому и отомстить, либо просто будет гадить из спортивного интереса. Карты он мне заблокирует уже к утру. В гостиницу нельзя, его безопасники меня там вычислят по паспорту через полчаса. Снимать квартиру без безнала не выйдет. А наличных у меня... тысяч пятьдесят от силы. На пару дней хватит, если питаться шаурмой.

– У меня останешься, – решительно припечатала Лера. – Диван в гостиной раскладывается. Кот не кусается, если его не бесить. Пересидишь пару недель, осмотришься.

– Исключено, – я покачала головой. – Он сюда припрется в первую очередь. Будет долбиться в дверь, орать, соседей перебудит. Оно тебе надо? Ты и так со мной возишься.

– И пусть долбится! Я ментов вызову!

– Лер, я сама мент. И прекрасно знаю, как система работает. На вызов «бывший муж ломится в дверь» никто с ми-

галками не полетит. Скажут, семейный конфликт, разбирайтесь сами. А Глеб умеет совать купюры в нужные карманы и быть очень убедительным. Нет, мне надо исчезнуть. Чтобы он побесился, понял, что я вне зоны доступа, успокоился и переключился на свой бизнес и новую силиконовую дуру.

Лера задумчиво намотала прядь на палец.

– Исчезнуть... План надежный, как швейцарские часы. Но куда? За кордон не свалишь – билеты стоят как крыло от самолета, да и загранник твой, спорим, в сейфе дома остался?

– Там родимый. Так что география сужается до необъятной родины.

– Та-а-ак, давай думать, – Лера забарабанила ногтями по столу. – Юг? Сочи? Там сейчас плюнуть негде, все столичные понторезы туда съехались жопы греть. Питер? Слякоть, тоска зеленая, ты там с моста в Неву прыгнешь на третий день.

Она обвела кухню шальным взглядом, словно ища подсказку в узоре обоев, и вдруг уставилась на меня.

– Подполковник Фирсова! А когда ты, стесняюсь спросить, последний раз маму с папой видела?

Я замерла с бокалом у рта.

– У родителей? Года три назад. Они на прошлый юбилей Глеба приезжали. Ресторан был пафосный, устрицы эти сопливые... Мама весь вечер боялась вилку не ту взять, папа молчал. Все как-то скомкано вышло. А я все завтраками кормила, «вот дело закрою», «вот проверку пройдем», «вот отпуск дадут».

– А живут они где? У меня топографический кретинизм, помню только, что название какое-то сказочное.

– Великий Устюг, – тихо сказала я.

И вдруг посреди московской тесной панельки словно подул ледяным ветром. Великий Устюг. Мой дом. Город, где снег хрустит под ногами, а не превращается в грязную жижу от реагентов. Где люди здороваются на улицах. Где время никуда не бежит, а течет густо и сладко, как мед.

– Устюг! – Лера шарахнула ладонью по столу так, что кот на холодильнике подпрыгнул. – Бинго! Ленка, ты гений!

– Я? Я вообще-то ничего не предлагала. Глушь, холодина под минус тридцать.

– Какая глушь! Это ж официальная резиденция Деда Мороза! – Лера вскочила и начала мерить шагами кухню, ее глаза горели фанатичным блеском. – Ты прикинь символизм! Ты сбегашь от фальшивой московской жизни, от козла-мужа, от продажных подружек в настоящую сказку!

– Лер, ты закусывай, – я попыталась остудить ее пыл. – Какая сказка? Там деревянный дом, печка, отец с его армейскими замашками и мама, которая попытается откормить меня до размера небольшого дирижабля.

– То, что доктор прописал! – не унималась подруга. – Пирог, баня и сугробы по пояс! А главное, – Лера победно подняла палец, – твой Глеб туда в жизни не сунется! Он же у нас нежный цветочек. При минус десяти у него эго скукоживается, а айфон вырубается. Он же там устричный бар не

найдет и помрет от культурного шока прямо на вокзале.

Я живо представила Глеба в тонком итальянском пальто и замшевых ботиночках, стоящего по колено в вологодском сугробе. Картинка получилась настолько комичной, что я не выдержала и фыркнула.

– А еще, – добивала Лера, – Новый год на носу! Ты когда нормальный праздник видела? Без корпоративов и фальшивых улыбок нужным людям? Чтобы оливье в тазике, мандарины, «Ирония судьбы» по телеку и салют во дворе? Ленка, это не побег, это реабилитация!

Я прислушалась к себе. А ведь она чертовски права. Я устала быть функцией и всё контролировать. Я хочу туда, где я не грозный следователь и не статусная жена, где меня любят просто так. Потому что я их дочь Леночка.

– Знаешь, – я задумчиво провела пальцем по ободку бокала, – сбежать от столичных рогатых оленей к оленям северным, настоящим... В этом что-то есть.

– Судьба! – отрезала Лера. – Символизм чистой воды!

– Только как я доберусь? – включился мой внутренний прагматик. – Двадцать четвертое декабря. Билетов сто процентов нет. Туда сейчас паломничество с детьми.

– Ща проверим, – Лера схватила смартфон. – Так... РЖД, грузись, кусок пластика... Москва – Котлас... или сам Устюг...

Она яростно тыкала пальцем в экран. Я смотрела на нее с огромной благодарностью. Иногда, когда твоя собственная

батарея на нуле, очень нужен вот такой энерджайзер рядом, который потащит тебя вперед, не давая раскиснуть.

– Твою ж мать, – резюмировала подруга через минуту, и ее лицо вытянулось. – Ни-че-го. Вообще. Даже боковушки у туалета нет, раскупили. Авиабилеты стоят так, словно самолет сделан из чистого золота, да еще и с тремя пересадками.

– Ну вот и всё, – я вздохнула, почувствовав неожиданно острый укол разочарования. Странно, я уже успела поверить в баню и мамины пироги. – Отменяется сказка. Буду жить у тебя на коврике вместе с котом.

– Отставить панику! – скомандовала Лера, нахмурившись и закусив губу. – У меня всегда есть план «Б». И план «В». Сейчас...

Она начала лихорадочно листать контакты.

– БлаБлаКар? Не, там маньяков полно, еще прикопают под елкой, а ты у нас ценный кадр. Автобус? Сутки сидеть крючком, у тебя спина отвалится, рассыплешься по дороге.

Внезапно она замерла. Ее палец завис над экраном, а глаза округлились, как у человека, нашедшего записку в зимней куртке.

– Погодь... – прошептала она. – Какое сегодня число? Двадцать четвертое?

– Двадцать четвертое.

– А Серёга... Серёга же говорил! – Лера чуть не выронила телефон. – Точно! Звонить поздно, спит уже, но он сто процентов собирался!

– Какой Серёга? – я напрягла память. – Сосед твой, который на трубе играет?

– Да сплюнь ты! Какой сосед? Брат мой старший! Ты че, забыла?

Я попыталась выудить из памяти брата Леры. Кажется, лет двадцать пять назад был такой. Долговязый курсант в колючей форме, который густо краснел, когда мы, дурехи, приходили к Лере в гости, он прятался от нас в своей комнате.

– Это тот, который военный? – уточнила я.

– Он самый! Бывший военный! – гордо поправила Лера. – Сейчас на гражданке, в военном училище преподает. Так вот, он завтра утром катит в Устюг! У них там какие-то дела по линии училища, плюс к сослуживцу заехать хотел. На машине! Один!

– Лер, ты в своем уме? – я скептически подняла бровь, включая режим следователя. – Я мужика четверть века не видела. Ну так, набегам на твоих праздниках, уже и не помню, как он выглядит. Наверняка классический солдафон. Короткая стрижка, шутки про прапорщиков, командирский бас и ностальгия по казарме. Мы же поубиваем друг друга в замкнутом пространстве.

– Нормальный он мужик! – возмутилась Лера. – Интеллектуал в погонах, можно сказать. Не чета твоему Глебу. И машина у него комфортная, как раз по зимним трассам гонять. Довезет в лучшем виде.

– Это дико неудобно. Навязываться мужику в попутчицы

на двое суток... О чем мне с ним говорить? О погоде? О тактико-технических характеристиках автомата Калашникова?

– А тебе болтать и не обязательно! – парировала Лерка. – Твоя задача сидеть на пассажирском сиденье, смотреть в окошко и красиво страдать. А его задача баранку крутить и решать проблемы. Идеальный симбиоз! К тому же он мой брат. Я ему скажу, что ты особо ценный груз, доставить в целости и сохранности. Он не откажет.

Она снова схватила бокал и подняла его вверх.

– Короче, товарищ подполковник. Это знак свыше. Билетов нет, но есть Серёга на внедорожнике. Вселенная захлопнула дверь, но распахнула форточку. Едешь?

Я посмотрела на остатки вина. Голова приятно кружилась, а внутри уже созрело четкое и ясное решение. Да, я поеду. Хоть тушкой, хоть чучелом, хоть с малознакомым братом. Мне нужно к родным.

– Ладно, – выдохнула я. – Звони своему брату. Но предупреди, что у меня паранойя и профдеформация.

Лера расплылась в абсолютно счастливой улыбке.

– Вот это наш человек! Но звонить будем утром. У него режим, армия головного мозга, спит уже поди. А мы с тобой, – она хитро подмигнула, – сейчас добьем бутылочку, обсудим еще разок, какая Катя стерва, и баиньки.

– Тост, – я подняла свой бокал-аквариум. – За предстоящее путешествие. И за оленей, по пути. Пусть двуногие остаются в Москве, а мы едем к настоящим.

Стекло звякнуло. Я понятия не имела, что меня ждет на этой заснеженной трассе. Я не помнила этого Серегу и сильно сомневалась, что выдержу долгий путь. Но надо попытаться.

Глава 7

Пять утра – это вообще незаконное время суток. Я искренне считаю, что в пять утра нормальные люди должны крепко спать лицом в теплую подушку, а не мерзнуть на улице. В этот жуткий час по дворам бродят только невыспавшиеся дворники, голодные бродячие собаки и вот такие, как я, сбежавшие от своих богатых мужей женщины с дикой головной болью после вчерашних возлияний.

Я переминалась с ноги на ногу у подъезда Лериного дома и чувствовала себя полнейшей идиоткой, прямо как героиня какого-то дурацкого дешевого сериала. На мне была Лерина старая горнолыжная куртка. И всё бы ничего, но она была ядовито-жёлтого цвета и размера на два больше, чем мне нужно. В этой куртке я выглядела как очень толстый дорожный конус или как беременный миньон. На ногах у меня красовались пухлые розовые угги. В них, конечно, было тепло и мягко, но не покидало ощущение, что я вышла на десятиградусный мороз прямо в домашних тапочках и сейчас все прохожие будут надо мной смеяться.

Спортивная сумка, которую Лера накануне одолжила у своего соседа по лестничной клетке, криво стояла прямо в грязном сугробе. Там внутри лежали пара толстых свитеров, старые потертые джинсы, зубная щетка и мои разбитые вдребезги надежды на счастливую семейную жизнь.

– Да не трясись ты так! – Лера прыгала вокруг меня по расчищенной дорожке, бодрая и суетливая, как белка, объевшаяся кофейных зерен. – Сейчас твоя персональная карета приедет. Всё будет просто супер! А выглядишь ты... ну, очень концептуально. Заметно в темноте, по крайней мере!

– Я выгляжу как нелепое чучело, – проворчала я, пытаюсь спрятать замерзший красный нос в колючий воротник куртки. – Слушай, Лер, а может, ну его всё это? Может, я сейчас просто пойду на троллейбус, вернусь домой, покаюсь Глебу? Скажу, что бес попутал, перенервничала. Буду сидеть тихо, варить борщи, не отвечать...

– Ну ты и сморозила! – Лера шутливо погрозила мне толстым пальцем в шерстяной варежке. – Ты целый подполковник полиции или мышь серая дрожащая? Никаких возвращений к этому козлу! О, смотри-ка! Вон он едет, наш спаситель!

Я с трудом повернула гудящую голову. Из-за угла дома, медленно и солидно шурша широкими шинами по снежной каше, действительно выплыло нечто огромное. Это даже легкой машиной назвать язык не поворачивался. Скорее, это был гигантский черный танк, который просто замаскировался под джип, чтобы его пустили в город. Кажется, это была Toyota Sequoia или что-то подобное. Огромный блестящий монстр двигался с грацией откормленного бегемота, который абсолютно уверен в своей полной неуязвимости. Яркие, хищные фары резали предрассветную темноту и выхватыва-

ли из нее крупные, пушистые снежинки.

Внедорожник очень плавно затормозил прямо возле нашего сугроба. Огромный двигатель урчал так низко, будто этот железный зверь только что позавтракал парочкой мало-литражек.

– Ого, ничего себе размерчик, – только и смогла выговорить я, округлив глаза. – Он что, местный банк ограбил, чтобы такую тачку купить? Или подрабатывает личным водителем у президента какой-нибудь африканской страны?

– Да нет, он просто очень любит, чтобы было просторно и комфортно, – хихикнула Лера и больно толкнула меня локтем в бок. – Всё, подруга, рот на замок, делаем красивое лицо, улыбаемся и машем ручкой.

Дверь со стороны водителя с мягким щелчком открылась. Я внутренне напряглась. В памяти сразу всплыл тот самый Серёжа, Лерин старший брат, каким я его помнила лет двадцать пять назад на вечеринках. Высокий, страшно сутулый парень, вечно нескладный, с торчащими ярко-красными ушами и взглядом, который он всё время стеснительно прятал в пол. Я уже даже заранее нацепила на лицо снисходительную улыбку доброй старой знакомой.

Но из машины вышел абсолютно другой человек. Моя заготовленная улыбочка мгновенно сползла куда-то под шарф.

Если это и был «тот самый Серёжа», то, видимо, все эти долгие годы он питался исключительно сырым мясом и днями напролет таскал железо в спортзале. Передо мной сто-

яла настоящая скала. Рост – точно под метр девяносто, а плечи такой дикой ширины, что в обычную дверь он, наверное, проходит только боком. Одет он был очень просто, без всяких модных выкрутасов. Тёмная теплая куртка, обычные прямые джинсы и массивные рабочие ботинки на толстой подошве. Никакой военной формы на нем не было, никаких погон, но эта жесткая армейская выправка просто кричала о себе в каждом его движении.

Он не спеша обошел капот своей огромной машины. Походка у него была на удивление тихая, спокойная и чуть пружинистая. Так обычно ходят люди, которые привыкли всё вокруг себя контролировать. Руки он в карманы не прятал, они были свободно опущены вдоль тела. Признак полной готовности, если что, мгновенно дать в морду или выхватить оружие.

Тут у меня в голове сам собой щелкнул и включился мой старый добрый рабочий сканер. Привычка – это вторая натура, от нее никуда не денешься, даже если ты вчера уволилась из органов. Так, посмотрим. Объект мужчина, на вид 45–47 лет. Физическая форма просто отличная, явно регулярно тягает тяжести или занимается единоборствами. Взгляд прямой, спокойный и цепкий, всё подмечает за секунду. Особые приметы: легкая, аккуратная щетина на щеках, на левой брови виднеется небольшой белесый шрам. Интересно, кто это его так приложил? И самое главное, никаких торчащих красных ушей! Уши как уши, самые обычные.

– Привет, сестрёнка, – сказал он. Голос у него оказался низким, с такой приятной, легкой хрипотцой. Я почему-то боялась, что он сейчас начнет гаркать, как прапорщик на плацу, но нет.

– Серёжка! Приехал! – Лера радостно пискнула на всю улицу и с разбегу повисла у него на шее, чуть не сбив эту гору с ног. – Спасибо тебе огромное! Ты просто мой супергерой!

Он легко, играючи, одной левой рукой обнял сестру за плечи, но смотрел при этом прямо на меня. И смотрел он очень внимательно, мне точно в глаза.

– Доброе утро, – просто сказал он и чуть заметно кивнул. – Елена, я же ничего не путаю?

– Можно просто Лена, – выдавила я каким-то писклявым, чужим голосом. Я вдруг почувствовала себя маленькой провинившейся школьницей, которая забыла выучить стишок. – Доброе утро... Сергей. Вы уж извините за весь этот нелепый маскарад и за то, что мы так нагло навязались вам на шею в такую рань.

– Да брось ты выкать, – он вдруг тепло усмехнулся. И от этой искренней усмешки вокруг его глаз сразу собрались добрые лучики мелких морщинок. Его суровое, каменное лицо вмиг стало каким-то домашним. – Мне всё равно одному в такую даль ехать скучно. А Лера клятвенно обещала, что с тобой точно не заскучаешь.

Лера противно захихикала и снова больно ткнула меня локтем под ребра.

– Вот видишь! Я же тебе говорила, что он у меня душка! Серёж, вот её сумка в снегу валяется. Закинешь? Там у неё всё самое ценное барахло для начала новой жизни.

Сергей перевел взгляд на мою несчастную, помятую сумку. Подошел к грязному сугробу и легко, буквально двумя пальцами, подхватил её за ручки, как будто там лежали не все мои пожитки, взятых у Леры на время, а пара пушистых полотенец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.